

Осипов Юрий Михайлович —

президент Академии философии хозяйства, главный научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель научного совета «Центр общественных наук МГУ», доктор экономических наук, профессор, академик РАН.

Yuriy M. Osipov — Academy of Philosophy of Economics.

Новая экономическая реальность: онто́с и гно́зис (философические реминисценции)

Сразу же оговорюсь: экономика для меня есть та часть жизнеотправления человека, которая обусловлена (сопровождается) нефизическим, нематериальным и неприродным феноменом-субстанцией — *стоимостью*, в поверхностной феноменальной практике выражаемой *деньгами*, которые суть не что иное, как особого социального значе-

ния... *цифр*, порождаемая общественным сознанием, в нем бытующая и им реализуемая, хотя и могущая иметь вспомогательного материального носителя и выразителя в виде того же драгоценного металла (золота, серебра, меди), его веса, либо в виде той же бумаги с нанесенными на нее типографским способом цифрами.

УДК 330.342

Приводится оригинальная трактовка экономики вообще и новой, характерной для современности, экономической реальности, чреватой большими переменами вплоть до трансгрессии экономики в постэкономику, или техномику. Экономика рассматривается как стоимостный (однеженный) феномен деятельного сознания, в сфере которого она и реализуется, принимая особую цифровую (денежную) выраженность. В основе экономической организации лежит творящий хаос, из которого постоянно рождается благодаря действию синергетического аттрактора — сознания — некий экономический порядок — хаосмос, преодолевающий изначальный хаос и не доходящий до устойчивого — космического образа — порядка. Экономика хронически переменчива как в сторону роста и развития, так и в сторону упадка и стагнации. Негэнтропия здесь сочетается с энтропией, в чем как раз и выражается апокалиптика экономики. Кризис — нормальная для экономики аномалия. Всеобщая экономическая самоорганизация, или самоуправление, непременно дополняется волевой селективной организацией, или управлением (разнообразным дирижизмом). В целом организация экономики не только многообразна, но и заметно масштабнее собственно экономики — она обязательно дополняется внешней относительно собственно экономики организацией, по сути и по преимуществу как раз неэкономической (институциональной, правовой, государственной, политической). Управленческая экология экономики предполагает учет дирижизмом важности экономического самоуправления: управлять экономикой можно, но на базе и в ходе ее самоуправления, непременно сочетающегося с экономической свободой. Тотальное внедрение технических счетно-аналитико-решающих устройств в экономические процессы создает возможность не только роста управленческой эффективности в экономике, но и замены собственно экономической организации (хомосоциально-стоимостной) неэкономической организацией — технотронной, а самой экономики — техномикой. Отсюда и вероятность трансгрессивной революции в экономике, а затем и в обществе. В настоящее же время экономика, переживающая всеобщий качественно-организационный кризис, готовится трансформироваться из моноцентроглобальной в полицентроинтеграционную с завершением доминирования в мировой экономике доллара, Уолл-стрит, США, Запада.

Ключевые слова

Экономика, неэкономика, стоимость, сознание, ноосфера, синергетика, хаос, хаосмос, метафизис, трансцендентность, апокалиптика, трансформация, трансгрессия, постэкономика, техномика.

Реально-ирреальным реализатором, носителем и воплощением стоимости как стоимости является не что иное, как *мысль человеческая*.

Денежная, она же и стоимостная, цифирь — продукт и принадлежность сознания, ума, мозга, памяти. Однако она способна в силу своей особой социальной функции и значи-

мости существовать в сфере сознания как отчужденная от сознания и уже как бы внешняя для него данность, преподносящая себя сознанию как особую *самость* — *саму-себе-самость*, с которой функционирующее сознание вынуждено считаться как с объективной данностью, на нее ориентироваться и немало и даже всецело от нее зависеть.

New Economic Reality: Onthos and Gnosis (Philosophic Reminiscences)

The paper presents an original interpretation of both economy at large and current economic reality, fraud with dramatic changes which may entail the transformation of economy into post-economy or technomy. The author views the economy as a value-driven phenomenon of active consciousness within which it is implemented accepting specific digital (monetary) expression. The author argues that at the basis of any economic organization lies the notion of 'creating chaos' which, thanks to consciousness as synergy attractor, constantly generates a certain economic order, chaosmos, overcoming initial chaos but not attaining sustainable order of cosmic character. The economy is chronically changeable either towards growth and development or towards decline and stagnation. Here the negentropy is combined with entropy, thus reflecting the apocalyptic nature of economy, where crisis is a natural anomaly. Overall economic self-organization, or self-governing, is necessarily coupled with assertive selective organization, or management (various forms of dirigizm). In general, the organization of economy is not only diversified, but also is much more large-scale than economy itself; it is bound to be supported by an external organization, mainly not economic one but institutional, legal, governmental, political, etc. Managerial ecology of economy implies taking into consideration the importance of economic self-governance through dirigizm; managing the economy is only possible on the basis of self-governance combined with economic freedom. Massive introduction of computing and analytical devices in economic processes creates an opportunity not only for greater administrative efficiency in the economy but also for the replacement of economic organization proper (homo-socio-value type) with non-economic technotronic organization, and of the economy with technomy. Hence, there exist a probability of transgressive revolution in the economy and then in the society. Presently, world economy, undergoing overall qualitative and organizational crisis, is on the brink of transition from uni-centered global type to the poly-centered integrated one, which, in turn, will put an end to the dominance of the US dollar, the Wall Street, the USA and the West.

Keywords

Economy, neoeconomy, value, consciousness, noosphere, synergetics, chaos, chaosmos, metaphysis, transcendence, apocaliptics, transformation, transgression, post-economy, technomics.

Самость стоимости и тех же денег — иллюзорная, конечно, самость, однако обретающая статус вполне реальной самости, не просто в сознании присутствующей, но и на сознание и его деятельную активность влияющей — вплоть до полного и цепкого овладения сознанием, становящимся в таком разе вполне уже *экономическим*.

Экономика — жизнеотправление человека, осуществляемое (или ведо́мое) *экономическим сознанием*.

Отсюда и особого рода бытийная реальность — *экономическая*, не слишком, как ни странно, признаваемая экономической наукой, до сих пор путающейся в определении своего предмета — экономики-де, — не увязывавая исходно, непосредственно и плотно экономику как раз с сей чудесной «нереальной реальностью» — *стоимостью*.

Стоимость — не только гносеологическая, но и онтологическая суть экономики!

Как онтологическая реальность стоимость триедина (триипостасна): она есть одновременно *оценка, отношение и субстанция*, причем во всех трех своих началах-сущностях она совершенно *идеальна* (духовна, эфирна), не выходит за рамки сознания, хотя и пронизывает вообразительно не только собственно экономическую, но и всю параэкономическую реальность — как субстанция (идеальные деньги, их идеальный «массив»), как отношение (идеальное взаимодействие экономических субъектных сознаний между собой и всем экономическим параметровым и параэкономическим вещным разнообразием) и как оценка (индивидуальная, совместная или общественная мерово-измерительная идеальная акция).

Экономика как онтос эволюционировала вместе с жизнеотправлением человека в течение совсем не малого бытийно-исторического времени: от простейшего товарообмена (Т — Т) через усложненные стоимостные реализации (Т — Д — Т и Д — Т — Д), а затем и капитальные алгоритмы (Д — Т — Д' и Д — Д') до современного доминирования самовозраста-

ющей стоимости в виде и посредством полноценной *финансомики* (Д''').

Современная экономика представляет собой особую, уже высшую, экономическую реальность, когда финансовая, она же монетарная, составляющая, лишившись своего главного нестоимостного (вещественного) носителя в виде драгметаллов, обладавшего способностью как бы объективного утвердителя, ориентира и корректора стоимостной цифри, ее экономической значимости, пустилась в собственное, чуть ли не автономное, жизнеотправление — вполне уже доминационное и неограниченно произвольное. Если то же золото долгое время играло роль основной, постоянной (скорее квазипостоянной) величи-

ны в среде экономического мира, то с прекращением обмена бумажных и вообще любых мнимых денег на золото экономический мир лишился даже подобия объективной-де утвердительной, ориентирной и коррекционной величины, став в стоимостном отношении совершенно относительным и, разумеется, вполне произвольным.

Современная экономика — никакое не мироздание, вовсе не какое-то там инженерное сооружение, даже и не любимая точной и неточной наукой система, не говоря уже о механизме или о том же организме, при этом еще и напичканных разными обязательными-де для них законами бытия. И вот здесь-то как раз и начинается *новый экономический он-*

тологизм вкупе с *новым экономическим гносеологизмом*, а именно: экономика оказывается окончательно и бесповоротно не чем иным, как *метафизическим осознанием поля*, в котором царит не мирозданческий, сооруженческий или тот же системный порядок, не говоря уже о механическом или организменном, хотя кое-какие тени, призраки и силуэты всех этих порядковых феноменов где-то и как-то в экономике просматриваются и даже в некоторой допустимой мере как будто бы реализуются, а царит там — в этом метафизическом осознании поле — самый настоящий *хаос* вкупе с творимым им и из него *хаосмосом* — неким подвижным и изменчивым квази- или полупорядком, не порывающим с родительским хаосом и не доходящим до сыновьего *космоса*.

Не космос тут, а именно *хаосмос*, отчего и не система со своими объективными-де законами и непременно воспроизводимой, чуть ли не инвариантно, структурной матрицей, а *неопределенное безграничное поле* с хаосом, произволом, обязательной и непрерывной вариативностью, как и, разумеется, с превалирующим там бесцеремонным, гибким и ловким беззаконием.

Вот она, *новая экономическая реальность* — что онтологическая, что гносеологическая, а можно и наоборот, ибо там и там — *темное сознание* да *конспиративный метафизис* с адекватной ему *туманной метафизикой*.

А где же тут наука? Наверное, в фактологических обозрениях, справочной информации и операциональных технологиях, как и, разумеется, в образительных моделях, алгоритмах и формулах, охотно и милосердно тешущих образцовое сознание университетски образованных ученых, но никак не в реальных воззренческих обобщениях, ибо объект тут — как целостность — не так научен, как *метанаучен*, то бишь он в основном за пределами светлого, ясного и логически стройного научного познания, как, собственно, и строго выверенного модельно-математического конструирования.

Хаос на то и хаос, чтобы ускользать от точного извне себя отображения, тем более что

➤ Экономика жива, подвижна, переменчива, гибка, разнообразна, стихийна, свободна, но при этом она еще и умна, и ловка, и предприимчива.

хаос, о котором речь, не где-нибудь, а в сознании, в ноосфере, в метафизисе с их неуверяемой трансценденцией, да еще и в полном всему этому загадочном адеквате.

Хаос обычно понимается как нечто отрицательное, связанное с расстройством, рассыпанием, исчезновением чего-либо, в лучшем случае с «броуновщиной». Но это не совсем так: хаос бывает и животворным со вполне положительной функцией, ежели он всего лишь предшествование, как и обязательное условие, возникновения жизнеспособного порядка, некой отчетливо выраженной (формной) явленности.

В нашем случае хаос — подоснова (подоплека) экономики, из которой экономика как функционирующая данность и возникает. Это близко тому, что подпадает под синергетический процесс — от безликого хаоса к формному порядку.

В экономике синергетическим аттрактором, переводящим хаос в хаосмос и удерживающим хаосмос в воспроизводственном состоянии, служит не что иное, как... *экономическое созна-*

ние, которое вследствие своей погруженности в сознаниевый хаос и по причине собственной имманентной негэнтропийности как раз и способно выполнить роль порядка-генерирующей силы, а фактически создающей и поддерживающей саму себя воли, при этом вовсе не физической, а как раз вполне метафизической — от самого Бога Творца. Экономическое сознание — *causa sui*, сама себе причина, делающая и стоимость, и всю экономику такими же на себя замкнутыми самопричинами.

В связи со всем вышесказанным об экономике позволим себе заметить, что само по себе сознание, а вместе с ним и стоимость, и вся собственно «экономическая экономика» — *вне пространства и времени*, а ежели и с ними, то лишь в связке с реальными мирозданческими пространством и временем (материальными, вещественными, предметными). И какого-то такого системо-порядкового устранения следует ожидать от пустоты, сингуляра, ничто?

Хаос в экономике — это присутствующее в экономике, как и вообще в сознании, в мире, в бытии, темное криптоначало, из которого экономика ежемгновенно выходит, при котором ежемгновенно существует и в которое ежемгновенно уходит. Поэтому-то экономика жива, подвижна, переменчива, гибка, разнообразна, стихийна, свободна наконец, но при этом она еще и умна, и ловка, и предприимчива. Хаосность — вполне положительное свойство экономики, хотя хаос в экономике способен и на негативные реализации — болезненные, разрушительные, кризисные, катастрофные. Но даже в таком неблагоприятии обнаруживается известный позитив для экономики, ибо хаос позволяет ей болеть, саморазрушаться, умирать, но затем, как бы сменив гнев на милость, позволяет непременно выздоравливать, возрождаться, сосредоточиваться, идти вперед.

Экономическое сознание — не просто сила, а великая сила!

Все экономическое творится им и в нем, хотя и не без влияния на творящее сознание разных внешних обстоятельств и не без неперемного учета сего разнообразного влияния самим сознанием.

➤➤ Именно так, через хаос и хаосмос, а не механически, организменно или же системно работает экономика, напропалую и необратимо «зараженная» столь нелюбимой наукой трансцендентностью.

Экономическое сознание — сила, но это и целый мир, состоящий из мириад элементарных и партикулярных сознаний, имеющий общемировую реализацию, превышающую простую сумму элементарных и партикулярных сознаний, то есть становящийся воистину *общественным сознанием* (парто-, макро-, мегасознанием), влияющим на реализацию экономики посредством так называемого хода вещей, а также через внезапные, нередко и совершенно невероятные события (происшествия), являющиеся вдруг неизвестно откуда, почему и для чего — уже как «ход неизвестности» (тут следует определенно признавать *трансцендентность* бытия, сознания, экономики, что как раз и дает возможность с приемлемым пониманием отнестись ко всем просто так необъяснимым моментам, явлениям, событиям экономического жизнеотправления).

Огрубляя, заметим: хаос сознания, или в сознании, переходит в хаос стоимости, а хаос стоимости — в хаос целостной экономики, сопряженный с контекстным для экономики хаосом, а в итоге выходит интегративный хаос экономической, или же экономизированной, реальности.

Хаосмос — ежемоментное полагание и отрицание перводанного для него хаоса — как с неперменным его преодолением, так и с неперменным к нему возвращением.

Именно так, через хаос и хаосмос, а не механически, организменно или же системно работает экономика, напропалую и необратимо «зараженная» столь нелюбимой наукой трансцендентностью.

Из факта экономического осознания хаоса, а также из факта порождения им из

самого себя хаосмоса, неустанно поддерживаемого хаосом и удерживаемого им от превращения его в космос, следует одно принципиальное обобщение функционального свойства: любой экономический параметр (ценность денег, валютные курсы, цены товаров, банковские ссуды и проценты, инвестиционные суммы и потоки и т.д.) может быть по своей стоимостной величине... *любым, хотя и не каким угодно!*

«Любым» означает быть вполне произвольным (вплоть до «взятым с потолка»), а «не каким угодно» означает, что все-таки не совсем любым, а до ограничительной встречи со столь же произвольной величиной другого взаимодействующего параметра (однопорядкового или нет) либо с каким-либо внешним неодолимым обстоятельством (как объективным препятствием, так и субъективным действием).

Отсюда выходит, что поддерживающийся в переливчатом (мерцающем) движении хаосмос представляет собой некоторый *хронически изменчивый компромисс* между текущими величинами действующих экономических параметров, отражающий изменчивое, но всегда имеющееся, пусть и на срок, даже и на мгновение, властно-иерархическое соотношение всех участвующих в экономике стоимостных параметров и величин, что и дает повод традиционной экономической науке говорить об экономике в терминах социальной механики (систематики), чего на самом-то деле нет.

Экономический процесс в целом — метафизическая *метаигра*, включающая в себя мириады мини- и микроигр, множество мезо- и макроигр, — и в этом необъятном игровом мире наличествуют игроки, они же экономические субъекты (агенты, акторы), разной силы, ловкости и удачливости, в том числе способные как навязывать свою игру другим игрокам, так и лишь подчиняться более сильной игре более удачливых игроков.

Нужно иметь в виду, что среди участников экономической метаигры не только собственно субъекты и не только собственно экономические игроки, ибо происходящие в ходе игры как бы объективные самопроцессы (и вполне произвольные) тоже участвуют в игре, но участвуют в игре и такие неэкономические фигуранты, как те же, к примеру, государства (и тоже немало «произвольные»).

Главное тут *игра!* Вроде бы по некоторым правилам, включая и законодательно оформленные, но, что особенно важно, и без правил, и вне правил, в общем, так или иначе, все-таки достаточно произвольно. Не правило и не закон правят экономический бал, а как раз... всеобъемлющий *произвол!*

Экономика, соблюдая кое-какие договорные правила и выпестованные обществом юридические законы, предпочитает все-таки *произвол*, как раз и позволяющий ей быть и оставаться вполне живой *экономикой!*

Тут важно заметить, что, хотя произвол в экономике значим, но он не абсолютен, — и не так в силу правил и законов, его ограничивающих, как вследствие... *самого себя*, ибо любой конкретный произвол всегда натывается на другой конкретный произвол, а потому обычно имеет место тот или иной *метапроизвольный компромисс*, которым, как и собственно произволом, живет реально экономика.

Произвол унимается в экономике не только другим произволом, но и *произвольным или же вынужденным согласием* между экономическими субъектами, снимающим на какое-то время в том или ином месте экономического пространства буйство произвола (произволов), то бишь, как принято говорить, они упорядочивают всеобщую и безудержную конкуренцию. Межсубъектное соглашение (иной раз и под влиянием государства) столь же органично экономике, как и произвол с межсубъектной конкуренцией, или же межсубъектная конкуренция с произволом.

Право с юриспруденцией, разного рода институты, включая надзорные, судебные и пенитенциарные, ограничивают по-своему экономический произвол, но экономический произвол непременно пребывает, тоже по-своему, и без них, или вне их, даже ничего из внешне установленного особенно и не нарушая, а всего лишь умело все это обходя, вполне пластично и «бессовестно».

Экономика — в исходе и в основе своей — *своевольна*, а потому и самоуправяема, но при этом она испытывает на практике достаточно мощное управленческое воздействие как из экономических центров вроде Федеральной резервной системы и центральных банков, так и со стороны неэкономических сил вроде тех же государств.

Тут полезно обратить внимание на следующее принципиальное обстоятельство: экономикой управлять можно и даже нужно, но лишь *в соответствии с ее самоуправлением!*

Подобно тому, как учитель в школе или тот же дрессировщик в цирке обязан найти со своими подопечными общий язык, позволяющий эффективно учить и дрессировать, любой цен-

➤ Экономикой управлять можно и даже нужно, но лишь в соответствии с ее самоуправлением!

тровский управитель обязан иметь с экономикой некий «общий язык», включающий в себя цели, методы, средства, способы управляющего воздействия. Этот язык мало того что по сути своей экономический, но и обязательно, скажем так, *межсубъектный и межсубъектно-объектный*, а потому и взаимоприемлемый, и еще, позволим себе выразиться, *экологический*, то бишь отводящий управителя от нанесения им убийственного вреда экономике.

Управитель обязан либо входить в метаигру и вести ее, выполняя стоящую перед ним управленческую задачу, либо изменять саму концепцию текущей экономической игры, при этом гораздо более рискуя навредить экономике. Но в том и другом случае управитель не должен бесцеремонно вмешиваться в самое основание экономики, пытаясь заместить экономику воображаемой им неэкономикой (собственным тотально-целостным расчетом).

Отсюда еще одно фундаментальное установление: современная, то есть оторванная от «золотого стандарта», а потому и вполне самопроизвольная и своевольная экономика прямо-таки нуждается в *волевом корректирующем и направляющем управлении из центра (центров)*, и такое управление экономикой как целым в принципе возможно, но непременно в *компромиссном единении* — деловом и творческом — с экономическим самоуправлением.

Это очень важное установление, из которого следует, что центровский дирижизм необходим, но в то же время дирижизм этот должен органично сочетаться с экономическим либерализмом. Вырастающий из хаоса хаосмос, с одной стороны, допускает управленческое вмешательство в экономику, ибо он гибок, дискретен, вероятностен, а с другой — не может допустить перехода к некоему космообразному порядку, противному экономической свободе, за исключением разве чрезвычайных,

обычно мобилизационных и кратковременных, ситуаций. Грубо говоря, можно влиять на ту же динамику экономических параметров и даже очень сильно влиять, вроде того же влияния на цену нефти, но нельзя целостно и надолго подчинить эту динамику внешнему модельно-матричному расчету, тем более амбициозно априорному. Экономика нуждается в собственном движении, и всякое волевое управляющее воздействие должно не просто с этим считаться, но и достаточно адекватно вписываться в самодвижение экономики.

Откуда столь значительная потребность нынешней экономики в волевой коррекции и ориентации со стороны центра (центров), весьма чувствительно способных на организационное воздействие?

Ответ тут таков: из-за того, что экономика, будучи *causa sui* (сама себе причиной), сама же и не справляется с задачей полного и эффективного самоуправления, то бишь отрицает саму себя, подвергаясь не только позитивной синергетической (негэнтропийной) организации — вверх, вперед, к новизне, но непременно и отрицательной синергетической (энтропийной) дезорганизации — вниз, назад, к застою. Нынешняя «развязная» экономика не вытягивает саму себя на вполне эффективный уровень и предоставленная самой себе обязательно срывается в свою противоположность — в *антиэкономику*. Здесь скажется *апокалиптики* любого самоорга-

низационного бытия, неизбежно теряющего силу и эффективность действия собственно-го позитивного синергетического аттрактора и впадающего в состояние самораспада.

Если выразиться несколько иначе, то экономическое сознание, обеспечивающее организацию экономики, должно проявлять себя не только диссипативно по всему экономическому полю, как и через объективный «ход экономических вещей», но и волевым образом из центра (центров) управления, выполняя функцию недостающего самопроизвольной экономике позитивного синергетического аттрактора.

Организация экономики, короче говоря, должна непременно сочетать в себе тотальную самоорганизацию с селективной волевой организацией — *дирижи́змом*, что, собственно, и имеет место в реальности — *без разнообразного дирижизма нет и не может быть вообще никакой экономики*. Глобализация создала иллюзию ослабления и чуть ли не упразднения дирижизма, однако практика ничего подобного не подтверждает, наоборот, еще более убеждает в необходимости волевой организации экономики из центра (центров), осознанного управления ею, разумеется, в органическом сочетании с ее самоуправлением и самодвижением.

В чем же тут дело? Помимо необъятных размеров нынешней экономики — *мегаэкономики*, ее безграничья, высокого разнообразия и невероятной сложности, что явно затрудняет эффективную самоорганизацию своей волевой экономики, а потому и требует волевой сознательной организации экономических пространств, включая и глобальное (общемировое), имеет место другое важное обстоятельство: любая самоорганизующаяся данность, в особенности большая, гигантская, безразмерная, нуждается в управленческом воздействии на нее *извне, со стороны, из контекста*, природа и характер которого отличны от природы и характера самоорганизации, свойственной управляемой извне данности, а в нашем случае — во *неэкономическом воздействии*.

Человек, ответственный за свое вкупе с природой и техникой жизнеотправление, не может

➤ Экономика, пронизывая жизнеотправление, к нему экзистенциально приспособливается и, будучи вполне пластичной, как бы повторяет собою или в себе окружающий ее контекст, представляясь поэтому чуть ли не целостным мирозданием.

полностью полагаться на «произвольную» милость экономики, стоимости, капитала, ибо предоставленная самой себе экономическая самоорганизация обязательно, во-первых, слишком «перетягивает одеяло» на себя, «забывая» о нуждах общего жизнеотправления, а во-вторых, сама же от самой себя деградирует.

Сколько-нибудь эффективная организация любой явленной данности должна быть «больше» самой этой данности, выходить за ее пределы, поддерживая тем самым эффективную связь со средой и обогащая себя не только *свежей*, но и непременно... *другой по исходному качеству* кровью.

Такая вот *другая свежая кровь* — негэнтропийный аттрактор для имманентной самоорганизации, работающий на ее энергоинформационное обогащение и против ее неизбежной — при изоляции от внешних организационных, в том числе и сознательно волевых процессов, — деградации.

Отсюда следует, что организация экономики нуждается не только в тотальной самоорганизации, но и в селективной волевой организации, причем не только в сугубо имманентной экономике — *экономической*, но и в качестве для нее иной — *неэкономической*.

Да, экономика как обусловленное стоимостью жизнеотправление не может не испытывать организационного, институционального, вообще конструктивного (как и деструктивного) влияния со стороны неэкономической среды, в которой она существует и реализуется. Экономический хаосмос непременно учитывает внешний для себя порядковый контекст: людской, трудовой, социальный, про-

изводственно-потребительный, технический, правовой, административный, природный, а потому и выглядит вполне себе структурно и даже системно выраженным, чуть ли не космообразным.

Экономика, пронизывая жизнеотправление, к нему экзистенциально приспособливается и, будучи вполне пластичной, как бы повторяет собою или в себе окружающий ее контекст, представляясь поэтому чуть ли не целостным мирозданием.

Завороженная этим онтологическим фактом, экономическая наука смещает свой гносеологический акцент как раз на этот онтологический контекст, втаскивая его в собственно экономическую данность, расширяя тем самым свой предмет до неэкономического безграничья и пытаясь решать свои чисто экономические гносеологические задачи посредством привлечения неэкономических факторов бытия, таких как благо, труд, земля, орудие, ресурс, средство, предмет, предприятие, техника, технология, золото и иных, немало во всем этом или со всем этим, гносеологически путаясь, не различая ни собственно экономического (стоимостного) текста, ни сопутствующего ему неэкономического (нестоимостного) контекста.

Экономика реализуется в разнообразной неэкономической среде, она с ней взаимодействует, учитывает ее в своей собственной жизнедеятельности, но экономика всегда остается самой собою — *стоимостной субстанцией*, пусть и функционально структурированной в соответствии с обнимаемым ею или же ее обнимающим, неэкономическим контекстом, но не прекращающей при этом быть *causa sui* — *самой себе причиной*.

Экономика — *сама себе цифирь!*

Однако цифирь не только самоуправляющаяся, но и управляемая как внутри экономического поля, так и из-за его пределов, причем весьма управляемая и неэкономически тоже.

Сегодня перед нами так называемая *оцифрованная экономика*, то бишь не просто оцифренная, как было всегда, а именно *оцифро-*

➤ Трудно представить себе некие самовольные «электронные финансы», «электронные банки», как и таких сугубых «электроников», как «электронные игроки», тем более «электронные миллиардеры». И впрямь на исторической повестке дня уже самая настоящая антиэкономическая революция.

ванная! В традиционно оцифренное экономическое поле внедрилось еще одно поле — сознательно и тотально *оцифрованное*, что означает, что экономическая и любая иная цифра в сфере экономики реализуется не только через головы людей и в их головах, но и через особого рода машинообразные устройства — *компьютеры* и *серверы*, через их платы, чипы, вообще через некоторые технические «мозги».

Экономика и до своей тотальной *компьютеризации-информатизации-кибернетизации* могла рассматриваться как аналог гигантского счетно-решающего устройства, пусть и homo-социально-ноосферного, теперь же подобное сравнение не просто выглядит более обоснованным, но даже и перестает быть собственно сравнением, оказываясь на самом деле особым рода, хоть еще и вроде бы homo-социально-ноосферной, но уже и вполне адекватно самой себе технически оснащенной машиной.

Так или иначе, но ныне сделан (или делается) существенный шаг (или прорыв) к *пост-экономике*, которую автор сих строк давно уже называет *техномикой*.

Экономический мир, конечно, еще не стал своей технотронной противоположностью, но явно уже вступил на путь превращения во что-то подобное.

Сейчас экономика переживает переходное время — время формирования *кибертехно-экономических субъектов* и таких же отношений между ними, что непременно сказывается (или же должно сказаться) на способе организации экономики, как и на всей ее онтологической данности.

В какую же сторону?

Вроде бы в сторону повышения внутренней организованности экономики, преодоления хаосности и усиления роли волевого — дирижистского, при этом и менеджериального — начала в управлении экономикой. Тут можно возразить: скорее дело пойдет в направлении обретения экономикой еще большей организационной свободы, но тоже с понижением уровня хаосности, ибо экономическим субъектам, объединенным или же попросту попавшим в кибертехнотронные *сети*, будет-де легче между собой договариваться, оперативно находя в режиме реального времени приемлемый для договаривающихся сторон ва-

риант совместного бытия; наконец, можно предположить и взрывное усиление хаосности и своеволия в реализации экономики, доведение экономической свободы (именно экономической!) до вполне уже катастрофического самоотрицания.

Открываются, таким образом, разные пути и возможности мутирования экономики в связи с ее тотальной технотронной кибернетизацией — вплоть до трансгрессии экономики во что-то совсем *иное*, в ту же техно-, кибер- или электрономику, когда на место экономического сознания, распределенного по социальному полю, придет собранное в кулак кибер- техно-электронное менеджерианство, берущее все мировое или то же большое региональное, как и большое национальное, производство-потребление благ — разумеется, вполне «осетенное» — под свой неусыпный контроль и свое навязчивое управление.

Итак, *новая экономическая реальность* — мало того, что новая, то бишь ранее не бывшая, но и переменная, мутационная реальность, всюю уже беременная какой-то значительной, не имеющей исторической аналогии метаморфозой, способной выйти на уровень *всеобщей экономической, если уже не антиэкономической, революции*, как и потянуть за собой нежданно-негаданно *революцию социальную*.

Сейчас это кажется невероятным и невозможным, но что из невероятного и невозможного не воплощается вдруг в бытии-истории, а? Хочешь не хочешь, а подступающие к реальности электронные деньги — не просто новые деньги, а уже, пожалуй, и не деньги, а что-то совсем другое — все еще вроде бы учетно-информационное, но вряд ли уже социально оценочное, благовое, «богатственное». Трудно представить себе некие самовольные «электронные финансы», «электронные банки», как и таких сугубых «электроников», как «электронные игроки», «электронные инвесторы», тем более «электронные миллиардеры». И впрямь на исторической повестке дня уже самая настоящая *антиэкономическая революция*, которая случится, надо полагать, не завтра, но почему же и не завтра, ведь случились же неожиданная массовая инвазия

➤ Сначала сгинет глобальный доллар, потом уйдут деньги с финансами, наступит постэкономика, а за ней придет уже и не-экономика — та же техномика. А вот что станется при этом со всем человеческим миром, разве только Господу Богу и известно!

мусульман в Европу, невероятнейший брексит — выход Великобритании из ЕС и то же прямо-таки чудесное избрание в США 45-м президентом экстравагантного и совершенно вроде бы невозможного господина Д. Трампа.

Экономический мир, будучи сейчас неопределенно, круто и споро переменным, на грани какой-то действительно *великой трансформации*, а то и, повторяем, на пороге *трансгрессивной революции!*

Бурное развитие кибертехноинфокогнитивной сферы и овладение ею не одной лишь экономикой, а и всеми управленческими и трудотворческими процессами, с одной стороны, и нарастание потребности в оптимизации всего человеческого бытия соотнositельно с возможностями природы и самого человека, как и поддержания глобального экологического равновесия, включая усиливающуюся потребность в рационаровании производительного, массового и даже элитарного потребления и всех вообще экзистенциальных расходов планетарного населения, не говоря об оптимизации его численности — с другой, толкают вперед антиэкономическую революцию независимо от желания людей, их обыденного и экспертного ее осознания, тем более что экономика как экономика явно выходит, если уже не вышла, из-под контроля не только человеческого рацио, но и всего вообще людского жизнеотправления, все более напоминая взбесившегося мифологического зверя.

Разумеется, будут попытки сохранить экономику, финансовую, сложившуюся систему кабаньего-долгового инвестиционного раб-

ства и, конечно же, глобальное доминирование США, доллара, Уолл-стрит. Одновременно будут нарастать потребность и стремление покончить со всем этим западо-американским, включая глобальную стоимость, деньги, финансы, как и вообще экономику. Но прежде чем что-то такое произойдет, случится, видимо, *всемирная экономическая реформация*, которая покончит не только с единоличной властью доллара и доминированием глобальных уолл-стритовских финансов, но и с самой центристремительной глобализацией мировой экономики — как раз посредством ее центробежной партикуляризации — с переходом к многоцентрковой и полирегиональной конструкции планетарного экономического мира.

На место одной гигантской, пусть и недостроенной всемирной пирамиды, вполне вавилонской (присмотритесь внимательнее к рисунку на долларе), придет сонм не столь гигантских, но зато более животворных, мирорегиональных, как и крупных национальных пирамид, склонных и способных к равноправному взаимодействию.

Сначала сгинет глобальный доллар, потом уйдут деньги с финансами, наступит *постэкономика*, а за ней придет уже и *неэкономика* — та же *техномика*. А вот что станется при этом со всем человеческим миром, разве только Господу Богу и известно! ■

ПЭС 17058 / 19.04.2017